

**О ЕФРЕМОВЫХ Ф. Д. и Т. Ф.
— в ПОМПОЛИТ**

ЕФРЕМОВ Федор Дмитриевич. В семнадцать лет стал инвалидом, через три года поступил учиться в Самаре, в 1913-1914 — служил писцом в пересыльной тюрьме, с 1915 — счетоводом в банке, с 1917 — в оптовом магазине Всесоюзного Текстильного синдиката, с 1925 — заместитель заведующего, подрабатывал инспектором в Наркомате труда. В 1929 — исключен из партии ВКП (б). Выслан с женой на 3 года в Архангельск.

В октябре 1930 — обратился за помощью в Помполит, приложив к этому заявлению письмо своей семилетней дочери Таисии Федоровны Ефремовой.

<3 октября 1930>

«В Комитет Помощи заключенным при Красном Кресте,
тов<арист> Пешковой,

Москва, Кузнецкий Мост, 24.

От Федора Дмитриевича Ефремова

Я родился в крайней нужде в косном, невежественном семействе, которое можно встретить только в самой захолустной степной деревне бывшей Самарской губ<ернии>. С этой проклятой нуждой, за некоторыми исключениями, я не расставался и по сие время.

За некоторыми исключениями я говорю потому, что в моей жизни можно набрать несколько лет, когда я занимал до некоторой степени приличные должности, а отсюда получал сносное жалованье. Эти несколько лет относятся к разным периодам моей жизни, последние года два до 1917 г<ода>, когда я совмеществовал, будучи счетоводом при Самарском Элеваторе Государственного банка и бухгалтером в Самарском Обществе торговцев-галантерейщиков, и с половины 1925 года до половины 1929 г<ода>, когда я занимал должность Заместителя Заведующего оптовым магазином Всесоюзного Текстильного синдиката и инспекторские должности там же, т<о> е<сть> в ВТС и Наркомтруде СССР, когда я получал жалованье от 150 руб<лей> до 200.

Остальные же годы моей жизни относятся к беспощадной, непрерывной борьбе как за право на существование, так и через образование с косностью, заключенной в меня деревней еще с пеленок.

Но кроме плохого, деревня заложила в меня и много хорошего. Это: честность, простодушие, прямолинейность, откровенность, терпение, а отсюда и стойкость, ту стойкость, которая присуща только бедняку в его постоянной беспросветной нужде. Эти качества я всегда ценил в себе и внутренне гордился ими, как наилучшими свойствами человечества. Они сохранены мною и по сие время. Однако они же и послужили к тому, что я оказался жертвой черствых себялюбцев или проще сказать шкурников.

С апреля месяца по июль включительно 1917 г<ода>, я был членом партии эсеров, а с августа месяца того же 1917 г<ода> до мая месяца 1929 г<ода> членом ВКП (б).

В 1929 нашлись люди, которм мои хорошие качества были, что называется, не по нутру, а потому своими лояльными доносами и показаниями добились того, что я был исключен из рядов ВКП (б) и постановлением Коллегии ОГПУ административно выслан в Северный Край.

В борьбе за право на существование я, еще будучи в деревне, на 17-м году своей жизни отморозил себе пальцы на обеих руках. Это меня заставило тогда учиться. Поэтому 20-ти лет я оказался в гор<оде>

Самаре. Мое учение досталось мне очень дорого. Оно было с большими перерывами. Мне доводилось, как инвалиду, питаться подаванием и совершенно голодать. Такое положение заставило меня в 1911 и 12 годах около 6 месяцев прослужить в Самарской тюрьме в качестве писца пересыльного стола по 15 руб<лей> в месяц.

Это то и дало возможность шкурникам в 1929 г<оду> разделаться со мной. Но это было для них только первым толчком. Дальше уже была ими пущена в ход клевета. Клевета дошла до того, что факт службы в тюрьме уже поблек перед ней. Гнусных клеветнических показаний настолько было много, что перечислить их здесь нет никакой возможности. Они, эти гнусные люди, касались даже интимной моей семейной и личной жизни, хотя в действительности она была в десятки, если не в сотни раз безупречнее их интимной жизни. И все это ставилось мне в вину как человеку, которому всегда была чужда нравственность и этика вообще, не говоря уже о пролетарской. О многих клеветах я мог только догадываться, так как о них мне прямо ни в партийных организациях, ни в ОГПУ не говорили, о них только делали намеки.

Одной клеветой из клевет было, что в 1918 г<оду>, когда чехословаки взяли Самару, я будто бы разъезжал по территории, занятой чехо-словаками, и принимал самое активное участие в борьбе против Советской Власти как враг пролетарской революции. Тогда как фактически дело обстояло так, что я бежал от чехо-словаков через фронт на свою родину, которая все время находилась на территории Советской Власти, и занимал там ряд ответственных постов, в том числе был секретарем Военно-революционного комитета.

Об этом я имею теперь соответствующую официальную справку с родины, с которой 1-го августа с<его> г<ода> обжаловал постановление Коллегии ОГПУ Помощнику Прокурора Республики по надзору за ОГПУ, но по сие время об этом не имею никаких результатов. По-видимому, тут нужно это дело кому-то протолкнуть, но проталкивать у меня некому.

Во всех гнусных клеветах главную роль играли моя жена, с которой я к тому времени уже был в разводе, и член Коллегии Нарком<ата> труда СССР тов<арищ> Гиндин, который до этого с 1924 г<ода> со мной и моей женой был в самых тесных дружеских взаимоотношениях, с которым мне, несмотря на нашу дружбу, приходилось иметь разногласия и по службе, и по партийной линии.

Вот такова вкратце вся моя история до моей высылки.

Нужно еще отметить, что клевета этих двух людей распространялась не только на меня одного, но и на мою жену, на которой после развода в 1929 г<оду> я женился, несмотря на то, что они совершенно ее не знали и знать о ней ничего не могли, т<ак> к<ак> она до выхода за меня замуж проживала в гор<оде> Казани и до этого ни разу не была в Москве. А потому и она была выслана в Северный край на три года вместе со мной.

На месте высылки, в г<ороде> Архангельске, у нас родился ребенок. Условия высылки вообще и народившийся ребенок не дают нам никакой возможности хотя бы до некоторой степени даже питаться сносно. Вот уже месяц как я на этой почве болею, не выходя из своей комнаты. Болезнь совсем лишила меня заработка, а потому мы голодуем и в зиму остаемся разутыми и раздетыми. Болезнь, по-видимому, еще является и результатом вредности для меня климатических условий.

Но мы о себе не беспокоимся. Если бы не письмо, которое прилагается при этом, моей 7-ми летней дочурки, я не обратился бы к Вам ни с какой просьбой. Она, вообще-то, была слабенькой в смысле здоровья, а тут 8 недель пролежала в постели с воспалением легких. Она теперь находится раздетой, а потому обращается ко мне за помощью.

Я же не в состоянии оказать ей какую-либо помощь в этом отношении. Поэтому я с этой же просьбой обращаюсь к Вам. Она ведь еще маленькая, еще никем не оклеветана и не ополшена. Быть может, ее будущее немало принесет пользы для общества. Она ведь не виновна в том, что ее мать так гнусно поступила с нами. Поэтому я еще раз обращаюсь к Вам с просьбой.

Помогите ей! Если только будет Вам возможно сделать это.

Ее зовут Таиса Федоровна Ефремова. Адрес ее: Москва, Домниковская ул<ица>, дом № 4, кв<артира> № 4.

Мой адрес: г<ород> Архангельск, Новгородская ул<ица>, дом № 55а. 3/Х-1930. Ф. Ефремов»¹.

«28 сентября 30 г<ода>   Тася Ефремова

Здвастуй Папа, целую я тебя бессчетное число раз.

Папа, во-первых, я опишу тебе о том, как я болела долго и чуть не умерла. Я, папа, простудилась на площадке детской и заболела воспалением легких. Лежала 8 недель в постели, а теперь только начинаю ходить ножками. Мне кажется, я уже забыла, как шагать и бегать, и очень слабая, но теперь только доктор мне сказал, чтобы я не простужалась больше, теплее одевалась, а то может быть осложнение, и я могу скоро умереть. Милый Папа, а у меня нет пальтишка теплого, и негде купить, и у мамы нет денег. Я, Папа, хотела, чтобы ты убил одного медведя, снял бы шубку беленькую и, может быть, прислал бы для меня на пальто и шапочку. У меня рейтузы и фуфайка еще живы и очень хорошие, и мама мне достала теплые ботинки по книжке, вот только пальтишка и нет. Если ты, папочка, не пришлешь, то мне всю зиму придется сидеть в комнате, а то старое пальтишко уже совсем мало, я выросла. И в школу не могла попасть, потому что болела, а теперь учительница сказала, что я очень слаба, и мне тяжело будет заниматься. Да и кушать вообще нечего, на детей мало кое-что дают: молоко — 1 кружку в 5-и дневку дают, а у молочницы дорого стоит: 60 к<олеек> кружка. Ну, Папа, пока всего хорошего, пиши, как поживает братик, как его здоровье. Пиши нам почаще, не забывай обо мне.

Извини, папа, что я не написала своим почерком, я еще не могу, у меня дрожат ручки, а я попросила маму, да и мама тоже не может, тоже больна. Папа, пиши, когда ты приедешь, я о тебе очень соскучилась»².

В октябре 1930 — заведующий юридического отдела Помполита обратился к Таисии Ефремовой.

<23 октября 1930>

«ЕФРЕМОВОЙ Таисии Федоровне.

Вследствие обращения к нам Вашего отца, просьба зайти в помещение "Помощи Политическим заключенным" между 2-5 час<ами>, кроме 5, 10, 15 и т<ак> д<алее>»³.

В тот же день заведующий юридического отдела Помполита обратился и к Федору Дмитриевичу Ефремову.

<23 октября 1930>

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 470. С. 25-30. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 470. С. 22. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 470. С. 31. Автограф.

«ЕФРЕМОВУ Федору Дмитриевичу.

В ответ на В<аше> обращение сообщаем Вам, что мы вызывали Вашу дочь д<ля> переговоров. Можем оказать Вам помощь не более, чем в сумме 10 руб<лей>»⁴.

---

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 470. С. 32. Автограф.